

Защитный воинский доспех нижеобского населения в раннем железном веке (по материалам Усть-Полуя)

ГУСЕВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» (Салехард), Россия

e-mail: gusev_av2004@mail.ru

Средства личной защиты воина от наступательного оружия противника являются одним из важнейших индикаторов развития военного дела. Один из ранних этапов милитаризации обществ Западной Сибири пришелся уже на ранний железный век, что отразилось на изменении в традиционной планиграфии поселений, появлению городищ и форпостов, отдельных богатых импортным инвентарём захоронений. Даже поверхностный взгляд на создаваемые (одна-, двух-, трёхсторонние, кольцевые) линии обороны позволяют говорить не только о следовании возникшей во время около рубежа эр необходимости обороны поселений, но и знакомстве населения с техническим прогрессом, центры которого находились гораздо дальше к югу, чем простиралась зона тайги. Определённый обмен идей между самыми северными обитателями Приобья и их далёкими соседями происходил куда быстрее, чем мы можем себе сегодня представить.

На сегодняшний день наиболее многочисленная коллекция предметов, относящихся к индивидуальной защите в северном Приобье собрана на Усть-Полуе. В своё время В.И. Мошинская описала коллекцию из 37 пластин, происходящих из раскопа В.С. Адриановым [Мошинская, 1965, с. 34-35]. В наборе защитного доспеха она выделила 5 составных элементов: 1 – «пластинки удлиненно-прямоугольной формы» с орнаментом и без такового; 2 – «пластины удлиненно-изогнутой формы»; 3 – «нагрудные панцирные пластины»; 4 – «пластинки, суживающиеся к одному концу» – части наборных шлемов; 5 – наручные щитки для предохранения запястья от удара тетивы.

В ходе новых исследований Усть-Полуя 1993-1995 и 2006-2015 гг. коллекция панцирных пластин увеличилась количественно, кроме того, удалось сделать ряд интересных наблюдений, касающихся вариантов устройства древних панцирей. С учетом новых данных можно выделить следующие типы панцирных пластин.

Тип 1.0 – самый многочисленный – пластины длиной в среднем 11,0-12,0 см и шириной 1,8-2,0 см (рис. 1, 1-3). Максимальная толщина 0,2-0,3 см. Пластины имели по две пары овальных отверстий, отступающих от узких концов изделий на 2,0-2,5 см. С лицевой стороны, как правило, нанесен резной орнамент. В новой коллекции насчитывается 21 целая такая пластина и 29 обломков разной степени фрагментации.

Тип 1.1 – пластины, которые можно пока условно выделить в самостоятельный тип по следующим основаниям. Во-первых, ширина их примерно в два раза превышала предыдущие (тип 1.0), и во-вторых, на них отсутствовала резная орнаментация (рис. 1, 4). Остальные параметры, такие как высота, толщина, размер отверстий оставались приблизительно такими же.

Тип 1.2 – изделия, заметно отличающиеся от описанных выше по форме и месторасположению отверстий. На этих пластинах отверстия не овальные, а круглые, диаметром 0,2-0,3 см (рис. 1, 5-6). Таких пластин 7 экземпляров, размеры: длина

от 9,0 до 11,0 см, ширина от 1,5 до 2,3 при толщине 0,3-0,4 см. Отличительной чертой этой небольшой группы является отсутствие орнаментации.

Пластины иного типа настолько разительно отличаются от предыдущих изделий своими размерами, толщиной, грубостью исполнения, что разница легко уловима, даже если встречались лишь небольшие фрагменты.

Тип 2.0 Пластины, превосходящие предыдущие по длине и толщине приблизительно в 2,0-2,5 раза. В коллекции МАЭ (Кунсткамеры) представлено 2 целых пластины и 8 во фрагментированном виде. В новой части коллекции – 1 целая крупная прямая пластина и 6 обломков (рис. 1, 7). Размеры целого изделия 23,0x3,0x0,6 см. К особенностям этих пластин относится наличие круглых прорезанных отверстий диаметром 0,3-0,4 см.

Тип 2.1 можно выделить пока приблизительно, по форме прорезанных отверстий: не круглых, а овальных. Одна пластина с тремя парами овальных отверстий была опубликована В.И. Мошинской [Мошинская, 1965, табл. 13, 14], ещё 2 фрагмента размерами 10,5-12,5x2,5x0,5 были найдены при современных раскопках (рис. 1, 8-9).

Пластины наборного рогового шлема В.И. Мошинская выделяла в отдельную группу. При повторном просмотре коллекции в фондах МАЭ (Кунсткамеры) удалось выявить 4 определенных фрагмента и 1 возможную заготовку без прорезанных отверстий. В целом же интерпретация В.И. Мошинской представляется совершенно обоснованной – эти пластины действительно более всего напоминают части защитного головного убора.

В новой коллекции представлен лишь один обломок пластины, ассоциируемый с деталями рогового шлема (рис. 1, 10).

В категорию защитного вооружения В.И. Мошинской были включены наручные щитки для предохранения запястья от ударов тетивы [Мошинская, 1965, табл. 13, 1]. В коллекции с Усть-Полуя упоминается 4 экз., на одном из которых вырезаны стреловидные изображения.

При просмотре коллекции в фондах МАЭ (Кунсткамеры) к этой категории были отнесены дополнительно ещё 3 фрагментированных изделия. Из новых раскопок коллекция пополнилась ещё 6 фрагментами (рис. 1, 11). Основанием для их выделения послужила технология изготовления этой группы артефактов – все они представлены тонкими (около 0,1 см) дуговидными обломками пластин. Учитывая столь малую толщину этой категории предметов – вряд ли они могли служить реальными щитками. Потому, наиболее вероятным видится их использование в качестве браслетов или некоего «парадного» украшения, возможно своеобразных наручей.

Пожалуй, самым неординарным артефактом из Усть-Полуя является нагрудная пластина из кости кита, размерами 20,4x15,0 см [Мошинская, 1965, табл. 14, 1]. Необычным в этом предмете является практически всё – материал, форма, характер изображения, и даже единственная на сегодняшний день аналогия, правда, выполненная из другого материала – рога лося: фрагмент нагрудника с городища Дубровинский Борок 3 (Новосибирское Приобье) [Троицкая, 1979. Табл. XXIX, 1]. Появившиеся в последнее время новые артефакты, не дают оснований для реконструкции устройства рогового доспеха целиком. Однако некоторые наблюдения представляются уместными.

С определённой уверенностью можно относить вытянутые пластины (1 тип) Усть-Полуя к элементам фронтальной, возможно боковой и тыльной, защиты корпуса. Однако судя по следам износа, присутствующего практически на всех изделиях, такая конструкция должна была существенно отличаться от известных археоло-

гических реконструкций и дошедших до наших дней этнографических аналогах из Восточной Сибири [Антропова, 1957]. На краях изделий не наблюдается следов выкрошенности, неизбежно возникающих при скреплении пластин друг к другу. Износ в отверстиях подсказывает, скорее, поштучное привязывание пластин, возможно небольшими группами. Всё это позволяет предположить в качестве обязательной составной части устройства такого панциря наличие гибкого основания. К такой, возможно кожаной, поддоспешной рубахе и могли крепиться роговые пластины. К той же мысли подталкивает и сложная орнаментация изделий, также не предполагавшая наложения пластин друг на друга.

Подобная конструкция считается весьма архаичной, она характерна в большей степени для ранних периодов. В III – нач. II тыс. до н.э. пластинчатый костяной доспех на мягкой основе использовался у неолитического населения Китая, в неолите и энеолите Приазовья и Предкавказья. М.В. Горелик, описывая такие панцири, полагал, что они относятся к числу простейших, вся конструкция которых держалась на кожаной подстёжке. Гибкость таких доспехов достигалась за счёт мягкости стыков пластинок [Горелик, 1993, с. 95].

Подводя итог рассмотрению пластин I типа, представляется возможным объединить с ними в один условный набор доспеха все имеющиеся наручи, обе нагрудные пластины, а также единственный фрагмент пластинки с сужающимся концом из новой коллекции. Специфической чертой этой группы изделий является очевидная тонкость, изящность, стремление к демонстрации доспеха его владельцем.

Второй тип пластин в этом смысле заметно отличается. Они крупнее практически в два раза, толще и – соответственно – крепче. В новой коллекции таких изделий немного и они по большей части фрагментированы. В коллекции из раскопок В.С. Адрианова есть пластины второго типа с хорошо прослеживаемыми боковыми выемками, визуально соответствующие расположению их в области плеч. Они имеют более сложную систему отверстий, расположенных вдоль одной из длинных сторон, позволяющих крепить к ним не только пластины, но и, предположительно, какие-то более крупные элементы наподобие нагрудников. Локализация исследуемых пластин и фрагментов пластин прямой и изогнутой форм на доспехе вызывает пока серьёзные затруднения. Версию В.И. Мошинской о расположении их в области плечевого пояса или оголовья, следует считать наиболее вероятной, но не единственной. Этнографические материалы демонстрируют целый ряд других возможных вариантов – оплечья, наручи и поножи, набираемые из аналогичных по форме пластин [Антропова, 1957, с. 207, рис. 24].

Более отчётливо можно говорить о применении четырех пластин с суживающимся концом, хранящихся в фондах МАЭ (Кунсткамеры). Форма позволяет с очень большой вероятностью относить их к деталям наборного рогового шлема. Такое изделие должно было иметь заострённое окончание и, вероятно, кожаную основу. Таким образом, в усть-полуйской коллекции просматриваются признаки наличия двух существенно отличающихся по своему типу защитных комплектов, каждый из которых мог включать в себя панцирь с нагрудной пластиной, шлем и возможно другие средства локальной защиты. Первый из этих комплектов во многом был призван демонстрировать окружающим статус своего владельца, второй – не столь изящный, обладал вполне реальными защитными свойствами. Объяснить это или привести примеры подобного явления, опираясь лишь на материалы западносибирских археологических памятников, пока невозможно. Но если отказаться от бытующего в литературе представления об изолированности населения Севера Западной Сибири и обратиться к фактам мировой истории, то наличие двух комплектов доспехов, условно – «парадному» и «реальному» можно найти примеры. Позволю

себе привести цитату из исследования А.Е. Негина, посвященного римскому церемониальному вооружению: «В античной древности воинская экипировка, «мундир», красота оружия и воинского строя были не менее значимы в семантическом, знаковом смысле, чем военная униформа в Новое время. . . . эта «внешняя» сторона военной жизни играла, пожалуй, более важную роль. . . и самым непосредственным образом связана с практическим применением войск» [Негин, 2010, с. 8]. Очевидно, это заключение можно распространить и на усть-полуйские доспехи.

Список источников и литературы:

Антропова В.В. Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири // Сибирский этнографический сборник. Новая серия. Т. XXXV. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 245 с.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тыс. до н.э. – IV в. до н.э.). М.: Восточная литература. 1993. 352 с.

Мошинская В.И. Материальная культура Усть-Полуя // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: АН СССР, 1953. №35. С. 72-106.

Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири. М.: Изд-во Наука, 1965. САИ ДЗ-8. 89 с.

Негин А.Е. Римское церемониальное и турнирное вооружение. СПб.: СПб. Гос. ун-т; Нестор-История, 2010. 232 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во Наука, 1979. 124 с.

Рис. 1. Детали защитных доспехов с Усть-Полуя: 1-9 – пластины панциря; 10 – фрагмент пластины шлема; 11 – фрагмент наручей (?). (всё рог северного оленя).